

НЕСПЕШНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛАБИРИНТЫ ЛЮБВИ

С.Г. Пилецкий

Ярославский государственный
медицинский университет,
Ярославль, Россия

sergeypiletsky@yandex.ru

Статья дает достаточно непривычный взгляд на достаточно привычные вещи. Речь идет о различных, но жизненно важных сторонах и аспектах любви. Автор размышляет о любви к самому себе, о любви к ближнему, о любви к человечеству, о любви к Родине, о любви плотской и земной. Вот о любви родительской и любви к Богу автор своими размышлениями с читателями не делится. Статья наполнена философскими комментариями к литературным пассажам, иронией и весьма любопытными и нетривиальными умозаключениями. Думается, что она должна вызвать безусловный интерес у неравнодушной и склонной к рефлексии публики и может рассматриваться как дополнительная возможность прикоснуться к вечному.

Ключевые слова: нарциссизм, эгоцентризм, любовь к ближнему, любовь к человечеству, любовь к Родине, любовь плотская и земная.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-66-83

Прозорливо подмечено: «О любви не говори, о ней всё сказано». И это в общем верно. Есть такие слова, которые от частого их употребления не то чтобы теряют свой исконный, первозданный, первоначальный смысл, а как-то «измыливаются», изнашиваются, истаскиваются. Вот и от золотых монет по той же причине пришлось в свое время отказаться. Слова эти бесподобны, сиятельны, верховны, почти сакральны. Они особы, и отношение к ним особое. К ним дозволительно изредка прикасаться, но чистыми руками; их дозволительно изредка произносить, но непорочными устами. О наивысшем из таких слов повествует 20-я глава второй книги Моисеевой («Исход»), в которой, кстати говоря, и запечатлены те самые десять синайских заповедей. Третьей по счету среди них числится следующая:

Ст. 7. «Не произноси имени Господа, Бога твоего всуе, ибо Господь не оставля-

ет без наказания того, кто произносит Его имя всуе».

Пусть со словом «любовь» не всё так строго и сурово, но и оно, без сомнения, из той же серии. Правда, поистрепали, «подмочили», «замаслили», выхолостили его за века и тысячелетия весьма и весьма изрядно. И, главное, никуда не денешься: оно настолько в нас въелось, что уж, наверное, и не вытравишь никогда. Ну скажите на милость, как по-другому можно было выразиться в известном водевиле А.П. Чехова: «Больше всего на свете я люблю пирог с яблоками, статных мужчин и имя Роланд»? А ведь есть ещё с десяток тысяч всевозможных «люблю». Вроде бы и понимаешь рассудком, что лучше сказать «нравится», но пылкий, пряткий, беспокойный, искусительный язык так и норовит вернуть что-то не то, так и норовит вернуть «люблю». Вот и святой апостол Иаков в своем «Соборном послании» напоминает о зловред-

ной сущности нашего ловкого, верткого, липкого, скороговорящего органа:

ст. 3. «Вот мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их»;

ст. 4. «Вот и корабли, как ни велики они и ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий»;

ст. 5. «Так и язык – небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает»;

ст. 6. «И язык – огонь, прикраса неправды. Язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет всё тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны»;

ст. 7. «Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим»;

ст. 8. «А язык никто из людей не может: это неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда».

Апостол Иаков тут вскрывает еще один крайне нежелательный аспект нашей многоцелевой вербальной практики – так многим привычна ложь наша человеческая. Животным повезло: они лгать не умеют, а мы в этом преуспели, это наше, в этом мы купаемся. Из века в век, из поколения в поколение разноликие «крохи» приходят к отцам, спрашивают, и те как могут объясняют малышам, что говорить правду – хорошо, а неправду – плохо. Но поскольку сами отцы как не подтверждали, так и не подтверждают сие собственным примером, то и результат почти нулевой. Корова вот тоже любит молоко, только дотянуться не может. Ясно же, что гораздо хуже, когда человек не любит, а из своих каких-то нам неведомых соображений говорит, что любит,

нежели неумышленное соскальзывание с глагола «нравиться» на глагол «любить».

Однако куда сложнее определить смысл самого понятия «любовь». Вроде бы интуитивно все понимают, что это такое (непонимающие догадываются), но как только начнут свое это априорное предположение укладывать в слова, а те – в повествовательные предложения, а из тех, в свою очередь, конструировать умозаключения, то, во-первых, получается как-то куце и неубедительно, а во-вторых, разночтений хоть пруд пруди. Зело досадно, однако началось это не вчера и кончится не завтра. Всего лучше и красивей, на мой взгляд, получилось у гения Балканского полуострова Платона. Умница, хоть и идеалист. У него можно поучиться уму-разуму. Согласно его учению, существуют три иерархически выстраиваемые ступени любви.

Низшая ступень «лестницы любви» – это любовь физическая, желание обладать красивым телом и породить в нем другое тело. И уже здесь наличествует неумная жажда бессмертия, ибо «путь в смертном зачатии – рождение – это и есть вечность и бессмертие». Оспаривать бессмысленно: мы действительно продолжаем жить в наших детях, внуках, правнуках и т. д., правда, последовательно убывая в них в арифметической прогрессии.

Вторая ступень – это ступень влюбленной очарованности не телом, а душой. Согласно Платону, она несет в себе семена, которые прорастают не в пространстве земного праха и тлена, а в пространстве духа. Тут мы находим влюбленных в души, одержимых искусством, приверженцев справедливости и закона, увлеченных чистой наукой. И сие оспаривать нет нужды: красота и сила тела – и в самом деле «товар» хоть и веский, броский, но недолговечный, скоро-

портящийся, чего не скажешь о красоте и силе человеческого духа.

И, наконец, на вершине этой «лестницы» нам открывается ослепительное сияние идеи Прекрасного как Абсолюта. Любовь платоническая – это тоска, ностальгия нашей бессмертной души по Абсолюту. Если перефразировать терминологию античного язычества в монотеистическую лексику, то это очень похоже на любовь к Всевышнему.

Как-то особняком в этом ряду стоит любовь к самому себе. Еще в древности заметили эту человеческую странность. Заметили, но не одобрили, хотя исключительная терпимость в делах амурных была в те времена мировоззренческим нормативным основоположением. У Овидия в его «Метаморфозах» на этот счет представлен миф о Нарциссе. Плохо кончил Нарцисс, а всё оттого, что тех, кто не чтит из пены морской вышедшую златокудрую Афродиту, кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Кефиса и нимфы Лаврионы прекрасного, в чувствах холодного, горделивого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Хорош миф: и поэтичен, и поучителен. Красотой сравним с его главным героем. О том, что нарциссизм своими корнями уходит в гомосексуальные пристрастия и предпочтения и предстает как гомосексуальный снобизм и солипсизм, распространяться не будем. Помянули же мы незлым тихим словом этот миф в связи с тем, что отнюдь не в античные, а в совершенно наши времена находят деятели, западные и им вторящие отечественные «доброхоты», которые не только реанимируют сию духовную практику, не только призывают

к ней, но и стараются обосновать и перевести ее из реестра деяний порочных в ранг дела вполне богоугодного.

С настойчивостью, достойной лучшего применения, они пытаются внедрить, втолковать, внушить нам, им внимающим, что прежде чем задаться целью возлюбить кого-то, возлюбить ближнего своего, надо непременно (причем – непременно) не полениться и удосужиться сначала возлюбить самого себя. Процедура эта, по их словам, и мировоззренчески важна, и методологически верна. Мало того, постулируется, что возлюбить ближнего своего, на что указывают священные тексты, и не получится во все, не проделай эту архиважную предварительную нарциссическую пропедевтику. Не стоит даже и пробовать. Всё одно выйдет не так: и натужно, и «кособоко», и не глубоко.

По поводу данных пастырских протестантских призывов, имеющих целью произвести очередную «гуманитарную» подвигу в нашем дремучем сознании, считаю необходимым заметить следующее. Сию нарциссо-эгоцентристскую рекомендацию надо полагать деянием сверхизбыточным. Нужно не влюбляться в себя ненаглядного, а уметь мочь быть, по возможности, к себе честным и объективным. Это во всех смыслах гораздо неуютнее и сложнее, нежели согреть, хранить, лелеять нежную, всепроникающую, трепетную любовь к красавцу себе. Нужно уважать себя за поступки правые, достойные и если уж и не презирать, то негодовать на себя за поступки постыдные. А еще лучше их не совершать. Одна оговорка: в таком деликатном деле, как нарциссизм, на половом равноправии не настаиваю. То, что списывается и прощается представительницам прекрасной половины человечества, не списывается и

не прощается представителям не столь его прекрасной части, играющим в мужские игры и по мужским правилам. А то можно плохо кончить. Хуже, чем Нарцисс.

О нарциссизме, кстати говоря, увлеченно, солидно, но не бесспорно рассуждал в свое время Э. Фромм. Солиднее даже, чем его учитель, и, наверное, объемнее и обстоятельнее, чем вообще кто бы то ни было. По его соображениям, нарциссизм бывает индивидуальным и групповым. В свою очередь, в патологии нарциссизма он предлагает различать две его формы – доброкачественную и злокачественную. Давать развернутое изложение концепции Э. Фромма на сей счет в рамках данной статьи не считаю делом необходимым, а вот представить пару цитат, страдающих, как было отмечено, небесспорностью, полагаю вполне возможным.

«Нередко человек-нарцисс достигает чувства уверенности вовсе не ценою своих трудов и достижений, а благодаря тому, что он субъективно убежден в своем совершенстве, в своих выдающихся личных качествах и превосходстве над другими людьми. И поскольку на нарциссизме покоится его самооценка и чувство своего «Я», он должен мертвой хваткой цепляться за свои нарциссические представления. И если под угрозой оказывается нарциссизм, то сам человек воспринимает это как угрозу своим витальным интересам. Если человек-нарцисс чувствует себя ущемленным, если его недооценивают, критикуют, ловят на ошибках, унижают в играх или других ситуациях, то это обычно вызывает у нарцисса чувство возмущения и гнева, вне зависимости от того, дает ли он им волю и отдает ли он себе в них отчет» [10, с. 176].

Конечно, адекватность адекватности и реакция реакции – рознь. Одно дело, когда

унижают в игре в «подкидного дурачка», и совсем другое дело, когда просто унижают без всяких там игр. Одно дело – непомерно обостренно реагировать на критику, тем паче когда ловят на действительных ошибках, и совсем другое дело – испытывать чувство возмущения и гнева, когда умышленно задевают за живое, когда издеваются и поносят святыни. Мимо такого не проходят и такое не забывают.

А вот фроммовская модель, связанная с его анализом злокачественных форм группового нарциссизма, тоже страдающая, по мнению практически любого российского читателя, некоторой злокачественностью. «Что касается патологии общественного нарциссизма, его наиболее очевидным и частым симптомом является недостаток объективности и способности к разумному суждению. Если исследовать оценку негров белыми или евреев нацистами, то можно, вне всякого сомнения, увидеть искаженность мнения. В нем есть пара крупниц правды, но в целом оно представляет собой мозаику фальсификации и лжи. Когда политические акции базируются на нарциссическом самопрославлении, то этот недостаток объективности часто приводит к разрушительным последствиям. В первой половине нашего столетия мы пережили последствия национального нарциссизма на двух ярких примерах. На протяжении многих лет перед Первой мировой войной официальная доктрина французской стратегии гласила, что французская армия не нуждается ни в сильной тяжелой артиллерии, ни в большом количестве пулеметов; французский солдат якобы в такой степени обладал такими чисто французскими достоинствами, как мужество и наступательный дух, что ему нужен был только штык, чтобы победить врага. На самом же деле

сотни тысяч французских солдат были перемолоты немецкими пулеметами, и только стратегические ошибки немцев, и позднее помощь американцев, спасли Францию от поражения. Во Второй мировой войне подобную ошибку сделала Германия. Гитлер, который стимулировал групповой нарциссизм миллионов немцев, переоценил силы Германии и недооценил не только мощь Соединенных Штатов, но и русскую зиму, как это однажды уже случилось с другим нарциссическим полководцем – Наполеоном. Несмотря на свою интеллигентность, Гитлер не был в состоянии объективно оценивать действительность, поскольку его желание победить и господствовать имело для него больший вес, чем реальная оценка вооружений и климата» [9, с. 62–63].

Тут тоже можно увидеть, мягко выражаясь, искаженность мнения. Понятное дело: каждый кулик свое болото хвалит. Если мощь, так это – Соединенные Штаты, если о России, так это – только зима. Сколько раз говорено: та война – наша святыня, победа в ней досталась нам слишком дорогой ценой. Мощь гитлеровского нацизма была сломлена не англо-американскими бомбардировками (одними бомбардировками войны не выиграешь) и не открытием второго фронта в Италии и Нормандии, а советскими дивизиями, в течение трех долгих лет до этого, истекая кровью, переламывавших германский вермахт, кладя миллионы жизней, в том числе и в штыковых атаках. О французском солдате пусть беспокоится француз. Кто побеспокоится о нашем, в быту неприхотливом, в бою отважном? Сколько можно слушать иноземные сказки о русской зиме?! Кстати, в западноевропейскую (а отнюдь не русскую!) зиму 1944–1945 годов англо-американские войска продемонстрировали-таки свои реальные силы, уме-

ния и способности проведения наземных операций. Под Арденнами это проявилось наиболее наглядно. Уступая по всем показателям (как по численности войск, так и по вооружениям), немецкие части задали им такого «трепа», что заставили Рузвельта и Черчилля взмолиться перед Сталиным, чтобы советские войска начали свое генеральное наступление на две недели ранее запланированного срока во избежание полного краха англо-американской группировки. И наши начали, и заплатили еще тысячами жизней за спасение союзников. А сколько за три русские зимы от голода и холода погибло не немецких солдат, а советских граждан в блокадном Ленинграде?! Так что к словам Фромма о роковой роли русского климата в плане поражения Германии надо относиться примерно так же, как к интеллигентности Гитлера.

О нарциссизме, пожалуй, довольно. От искренней саморадости и самовлюбленности пора перейти к уже упомянутой любви к другому, к человеку вообще, к ближнему, так сказать. Но и тут, оказывается, не всё так образцово и гладко. Начать хотя бы с того, что следует порушить достаточно устоявшийся в сознании большинства людей «двойной стереотип» в отношении к заповеди возлюбить ближнего своего как самого себя. Угроза потенциальной ошибки кроется как в источнике, так и содержательной направленности сего императива. Во-первых, заповедь эта не христианская по происхождению, ее хрестоматийный источник – вовсе не Новый Завет, а глава 19-я третьей книги Моисеевой «Левит» Ветхого Завета. Во-вторых, хоть и ясно, что адресат данного требования – евреи, всё же небезынтересно узнать, с кем же таки нужно евреям вести себя столь добродушно. Вопрос не праздный, ибо окружать еврея, быть

ближним к нему могут совершенно разные люди. Поди разбери.

Гл. 19. Ст. 18. «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя».

Вот и выяснилось – внятно и вразумительно. Еврею вменяется в долг поступать оным образом в отношении еврея же; «ближний» – это сын или дочь народа израилева и никто другой, да и из них только те, кто чтят и исполняют завет Божий. Как с другим ближним надлежит поступать еврею в соответствии с предписанием господним – это, как говорится, уже совсем другая история, с любовью никак не связанная.

Справедливости ради следует отметить, что и христианская церковь, из мононациональной став интернациональной, заимствовав эту заповедь у иудаизма и требуя ее исполнения от паствы, сама за почти двухтысячелетнюю свою историю, мягко говоря, не очень-то ее соблюдала. Сколько голов порублено, животов вспорото, костров позапалено, дыб и виселиц понастроено, сколько невинных душ позагублено, сколько мегалитров алой кровушки в разнообразных религиозных войнах, крестовых походах и походах пролито! Земля русская, кстати, среди тех, что хранят память о таковых.

Что касается любви к человечеству, любви к ближнему как олицетворению любимого человечества, предлагаю вслушаться в размышления величайшего из умов этого самого человечества – Федора Михайловича Достоевского. Первое выражено словами Андрея Петровича Версилова в романе «Подросток»: «Друг мой, любить людей, так как они есть, невозможно. И однако же должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закры-

тая глаза (последнее необходимо). Перенеси от них зло, не сердясь на них по возможности, памятуя, что и ты человек. Разумеется, ты поставлен быть с ними строгим, если дано быть хоть чуть-чуть поумнее середины. Люди по природе своей низки и любят любить из страха; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в Коране Аллах повелевает пророку взирать на “строптивых” как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны. О милый мой, я судя по себе сказал это. Кто чуть-чуть не глуп, тот не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен – это всё равно. Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно. По-моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. Тут какая-то опшибка с самого начала, и “любовь к человечеству” надо понимать к тому человечеству, которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому любовь) и которого поэтому никогда и не будет на самом деле» [2, с. 176].

Второе уже из другого романа – из «Братьев Карамазовых» – запечатлено в предсмертных завещаниях старца Зосимы и тоже в адрес страстных поборников «абстрактного гуманизма». Удивительное дело: действительно модным за последние сто лет стало взывать, радеть и почти до самозабвения любить всех нас крупно, скопом. Целые международные организации сколотились, оформились, прижились – финансирование хорошее, карьерный рост. Всё бы ничего, но слова старца тревожат. «Это точь-в-точь как рассказывал мне, давно уже, впрочем, один доктор, – заметил старец. – Человек был уже пожилой и бесспорно ум-

ный. Он говорил так же откровенно, как и вы, хотя и шутя; я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на самого себя: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорил, доходил до страстных помыслов о служении человечеству, и, может быть, пошёл бы на крест за людей, если бы это как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии ни с кем прожить в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уже его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть; одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк, и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть они ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем больше я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще» [3, с. 91–92].

В отношении любви к Родине, большой и малой, ограничусь одной, но для меня принципиальной ремаркой. Любить Родину, конечно, совсем не значит «березки целовать». Бывает, что ее, Родину, «можно любить, но горькою любовью», но при этом хотелось бы заметить следующее. Мы жили, жили и дожили до того, что еще совсем недавно публично рекомендоваться патриотом своей Отчизны было чуть ли не «моветоном». Среди «как бы элиты» 1990-х годов и в среде определенной части приниженной и обкраденной интеллигенции в ходу, в моде и в цене были космополитические идеи. Бывшие «подпольные» и «кухонные» антисоветские кружки по причине исчезновения объекта издевок и нападков быстро перекалфицировались и оформ-

мились в официальные ячейки западноевропейского либерализма и космополитизма. Надо сказать, и добились определенных результатов. «Своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю» – это понятно каждому либералу. «Я, мне, мое» – это центр Вселенной. Далее идет ближний круг – ближайшие родственники. Далее – круг просто родственников, далее – круг близких друзей, круг просто друзей, круг профессионального общения и т. д. Очередность может индивидуально варьироваться, но общенациональные интересы по этой логике могут быть этак на 12-м месте. Лозунг космополита: «Я не принадлежу какой-то одной стране, я – человек мира». Либерал-некосмополит – сочетание крайне редкое. Кто не верит, спросите у либерала, в каком государстве он хранит свои трудовые сбережения. Наши современные космополиты усовершенствовали римское «*omne solum liberum patria*» («всякая свобода – отечество свободного человека») в более для себя удобное: «где сыто и тепло – там и отечество». И еще добавлю: если верно, что патриотизм – последнее прибежище негодяя, то космополитизм – первое.

А теперь о самом родном, нужном и сложном: о той самой трубадурами трубимой, гадалками гадаемой, шаманами шамануемой, поэтами воспеваемой, писателями восславляемой, скептиками издеваемой, бесами вдоль и поперек шныряемой многострадальной плотской, земной любви. Напряженно и нервно стараются, горячатся, дискутируют, трудятся над этим вопросом не только экстрасенсы и лирики, но и скромные, тихие ботаники с их перекрестным опылением и методологически «отвязные», в спорах зычные, «зрячие в корень» биологи-эволюционисты с их нешуточной экстраполяцией к пока еще фриволь-

ной жизни львов, шимпанзе, волков и прочих гамадрилов. Усмехаются и указывают на генетическое родство половых ролей, импульсов и поведенческих образцов. Поэтому, получается, не слушают, не уважают, почти ни в грош не ставят. Масла в огонь подливают нейрофизиологи с их поразительной для здравого смысла и чуткого сердца интерпретацией сего чувства как типичной генетически обусловленной биохимической и гормональной эндоморфной реакцией половозрелого организма на стимулирующую ситуацию. Рассуждают о феромонах, этих волнующих запахах, намекая на наше обонятельное звериное прошлое. Тут волей-неволей припомнишь Патрика Зюскинда. К месту и не к месту упоминают андрогены и тестостерон, говорят о ярко выраженных (и тоже биохимических!) порогах столь нами «выстраданного», приятного, приветного чувства.

Сердце же человеческое бальзамом обливается и радуется красивой красотой. Эстетика в нас, вероятно, и в самом деле генетически предзадана. Но и социальные факторы встревают: будоражат, напрягают и сильно влияют. И это иллюстрируется тем, что на разных континентах, в разные эпохи идеалы красоты настолько различны, что уму непостижимо. И при всём при этом есть всё же некий общий генный «знаменатель», «камертон», который позволяет всем нам вне зависимости от пола, возраста, расы, нации и чего бы то ни было еще отличать прямую от кривой, треугольник – от квадрата, уродца – от красавца, фенотипическую норму – от патологии, симфонию – от какофонии, «мазню» от пейзажа.

О красоте особый разговор. С одной стороны, звезда пленительного счастья, с другой – звезда, пленяющая в бездну. Существует распространенное мнение, что

будто бы, по Достоевскому, красота спасет мир. Это у него только один раз вскользь замечено, да и то в качестве провокационной идеи. У Федора Михайловича есть на сей счет более развернутые и совершенно иные суждения.

Вот, например, одно. «Тут, брат, нечто, чего ты теперь не поймешь. Тут влюбится человек в какую-нибудь красоту, в тело женское, или только в часть одну тела женского (это сладострастник может понять), то и отдаст за нее собственных детей, продаст отца и мать, Россию и отечество; будучи честен, пойдет и украдет; будучи кроток – зарежет; будучи верен – изменит. Пушкин ножки в стихах воспевал; другие не воспевают, а смотреть на ножку не могут без судорог. Но ведь не одни только ножки... Тут, брат, презрение не помогает, хотя бы он и презирал Грушеньку. И презирает, да оторваться не может» [3 с. 119]. (Это Миша Ракиitin так о Дмитрие Фёдоровиче.) Что тут скажешь? Хоть несколько по-ювенальному заносчиво, но в общем верно. У правоохранителей есть расхожая формула, если и не аксиома, то многотысячекратно доказанная теорема: поскобли любое уголовное дело, и оттуда проглянет женщина.

А вот уже слова самого Дмитрия Федоровича, знающего о сладострастниках не понаслышке. Дмитрий открывается Алексею: «...Вот и у тебя глазенки горят. Довольно стихов. Я теперь хочу сказать тебе о насекомых, вот о тех, которых бог одарил сладострастием: насекомые – сладострастники. Я, брат, это насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, это насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это бури, потому что сладострастие – буря. Больше бури. Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что

неопределимая, а определить нельзя, потому что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн: слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь, и вылезай сух из воды. Красота! Перенести ее я при том не могу, что иной, высший даже сердцем, человек и с умом высоким, начинает с идеала мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, что с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала мадонны, и горит от него сердце его и горит, как в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Ведь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, – знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы – сердца людей» [3, с. 153].

Честно скажу, тайну, что в содомизме кроется некая потаенная красота, не знал, но зато точно знал, что доверять плакатам, призывающим голосовать сердцем (замечу: не желудком, не селезенкой, не печенью, а именно сердцем) не стоит. Строить свои планы, поступать так или иначе желательного, исходя не из показаний внутренних органов, а исключительно на основе разума. Вот и Достоевский устами Дмитрия Федоровича подтверждает: «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой».

Ясно, что мужчины и женщины – существа с разных планет. Не только в поведении людей, но многое даже из окружающего мира воспринимается нами по-разному. И с этим нужно считаться, и с этим нуж-

но мириться. Но в вопросе о статусе красоты, ее целительной и спасительной силе Ф.М. Достоевский сводит берега и действительно примиряет обе половины. Вот слова Аделаиды, средней из сестер Епанчиных, сказанные навскидку (а значит – искренно), как реакция на впервые увиденный фотопортрет Настасьи Филипповны. (Это, как сами понимаете, уже из «Идиота». Лизавета Прокофьевна – ее матушка).

«Этакая сила! – вскричала вдруг Аделаида, жадно всматриваясь в портрет из-за плеча сестры.

– Где? Какая сила? – резко спросила Лизавета Прокофьевна.

– Такая красота – сила, – горячо сказала Аделаида, – с этакою красотой можно мир перевернуть» [5, с. 79].

И что же? Действительно вертели, и он вертелся, и у обывателей от непривычной скорости вращения подкашивались ноги, случались обмороки, недомогания и частые головокружения, приводившие к не менее частым дуэлям. Банкиры и торговцы большей частью разорялись, меньшей – богатели; секретным службам, шпионам и дипломатам прибавлялось работы; солдатники сложили миллионы и миллионы голов, их сестры, матери и жены в трауре. Вот у них бы и спросить их мнения о красоте и о ее спасительном влиянии на мировую историю. Боюсь, что оно было бы высказано весьма и весьма нецензурно. Так что если речь идет не о красоте Богом данного мира и даже не о красоте содеянного человеком вещей, а именно о людской красоте (в данном случае – женской), то это и вправду такая сила, что она скорее погубит мир, чем его спасет.

С Федором Михайловичем в этом вопросе солидарен другой классик – Лев Николаевич Толстой. Интересные мысли на

сей счет он влагает в уста главного героя своей «Крейцеровой сонаты» Позднышева: «Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное. Она говорит, делает гадости, а ты видишь что-то милое. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна» [6, с. 104]. С некоторым преувеличением, но подмечено точно, с одной лишь оговоркой: если смотрит и слушает мужчина. У женщин же друг к дружке выработалась совсем иная система отношений.

У Л.Н. Толстого есть специальный роман о той самой плотской любви – «Анна Каренина». Эпиграфом к нему моралист Лев Николаевич вывел библейское «Мне отмщение, Аз воздам». Морализировать мне ни в адрес романа, ни в адрес его главной героини не хочется. А вот высказаться напрямую, без обиняков – вполне. Скажу честно: ни роман «Анна Каренина», ни сама Анна Каренина мне не нравятся, каких-то трепетных чувств к ним не питаю. И сама главная героиня мне не симпатична, и ее поведение не симпатично, и ее отношение к детям не симпатично (насчет венчанного мужа я и не говорю), и любовь ее страстная, роковая, беспутная не симпатична и даже смерть ее страшная, отчаянная – тоже не симпатична. Всё в соответствии со словами автора: Господь воздает и наказывает чрез самого человека. Мало того, рискну высказать еще одно крайне непопулярное соображение: Анну Каренину мне даже и не жалко, а вот 18-летнего, жизни еще вкусить не успевшего мальчика, с криком «Ура!» в атаку шедшего, на взлете вражьей пулей сраженного и умирающими губами «мама» шепчущего – очень жаль.

Льву Николаевичу Толстому, стоит заметить, есть что сказать и по поводу искренности порока: «У кутил, у этих мужских “магдалин”, есть тайное чувство сознания невинности, такое же как у “магдалин” женщин, основанное на той же надежде прощения. Ей все простится, потому что она много любила, и ему всё простится, потому что он много веселился» [7, с. 608]. Что касается весельчаков-собутыльников, сдаётся мне, Лев Николаевич не совсем прав: пьяный кутеж, пьяный загул и тяжкое похмелье – это не грех, а человеческое свинство средней паршивости. В отношении же женщин-«магдалин» я иронию Льва Николаевича вполне разделяю. Простится-де, потому что много возлюбила; деликатный вопрос – а о какой такой любви, собственно, речь?

К слову сказать, подобный же вопрос неожиданно всплыл в монастыре на приеме у старца Зосимы в присутствии иеромонахов и иных заинтересованных лиц в попытке примирить Федора Павловича Карамазова с его буйным сыном Дмитрием. Во время той самой недостойной комедии, которую так воодушевленно разыграл «кривляка» Федор Павлович, он вдруг совсем не театралью, совсем не на шутку вскипел, взъярился на Петра Алексеевича Миусова, позволившего себе весьма неместный выпад в адрес его «прелестницы» Грушеньки (в выражениях «тварь» и «скверного поведения женщина»). Вслед за истерическим воплем «На дуэль!» и парой колких фраз в сторону всего рода Миусовых последовало:

«...Что стыдно? Эта “тварь”, эта “скверного поведения женщина”, может быть, святее вас самих, господа спасающиеся иеромонахи! Она, может быть, в юности пала, заеденная средой, но она “возлюбила много”, а возлюбившую много и Христос простил...

– Христос не за такую любовь простил ... – вырвалось в нетерпении у кроткого отца Иосифа.

– Нет, за такую, за эту самую, монахи, за эту! Вы здесь на капусте спасаетесь и думаете, что праведники! Пескариков кушаете, в день по пескарику, и думаете пескариками бога купить» [3, с. 112–113].

Надо же: сквернавец, да еще этого не скрывающий и этого не стыдящийся, которому возмездие не только не за горами, но даже и не за оградой, а как остро и точно обозначил проблему. А в самом деле, за какую такую «многую» любовь Христос простил Марию Магдалину, если исходить из христианской каноники? Кроме дешевой блудницы она к тому времени еще не была никем. А что, разве у «ночных бабочек» бывает какая-то иная «многая» любовь? Если так, то они действительно любят много – не догонишь.

У Паоло Коэльо есть неожиданный роман «Одиннадцать минут» о тех самых «ночных бабочках», словом, «криках любви» по тарифу. (Название «Одиннадцать минут» не случайно: это те самые одиннадцать минут, в течение которых среднестатистически происходит соитие с клиентом. Служительницам Венеры верить можно – у них чрезвычайно богатый лично накопленный эмпирический материал.) В романе он развенчивает устоявшийся социальный стереотип: что в эту долю, в эту тяжкую работу поступают от безысходности, что там жуть, непереносимые условия и что из этого «болота» уж и не выбраться. Тут скорее уместно совершенно верное утверждение О'Генри: важно не то, какие дороги мы выбираем, а то, что сидит внутри нас и заставляет избирать именно эту дорогу.

У Анатоля Франса есть изумительный сатирический роман «Остров пингвинов»

(наверное, лучший из его романов), где он устами одного из своих персонажей рационально-логически сопрягает тяжесть греха женского блуда с вопросом оплаты труда, различая, говоря языком Л.Н. Толстого, «магдалин по таксе» от «магдалин в охотку». «Преподобный отец Дуаяр, тонкий знаток богословской этики, сохранивший твердые принципы и во времена упадка церкви, был совершенно прав, утверждая, согласно учению святых отцов, что если женщина совершает тяжкий грех, отдаваясь за деньги, то еще более тяжкий грех она совершает, отдаваясь даром, ибо в первом случае она поступает так ради средств к существованию и заслуживает порою если не оправдания, то прощения, оставаясь всё же достойной милости божией, поелику бог ведь запрещает самоубийство и не хочет, чтобы его создания, эти храмы господни, сами себя уничтожали. К тому же, отдаваясь для того, чтобы поддержать свою жизнь, она пребывает смиренной и не получает удовольствия, что облегчает ее грех. Но женщина, отдающаяся даром, грешит, наслаждаясь, ликует в падении своем. От гордыни и сладострастия, коими она усугубляет свой грех, еще увеличивается его гибельная тяжесть» [8, с. 196]. Хлестко, ничего не скажешь. Насчет того, что, отдаваясь, «магдалина по таксе» не испытывает ничего, кроме смирения, промолчим. И не будем уж слишком раздражаться на преподобного отца, памятуя о том, что роман этот всё же сатирический и написан с сотню лет назад. Да мне и самому ближе позиция Коэльо.

Самое время дать выход напрашивающемуся послы: если речь идет о любви физической, приземленной, то заниматься любовью и иметь это чувство – отнюдь не одно и то же. Мало того, тут как бы не обратно пропорциональная зависимость.

Попробуйте задаться вопросом: а как сложилась бы судьба шекспировских Ромео и Джульетты, если бы семейства Монтеки и Капулетти либо не ссорились бы вовсе, либо каким-то образом помирились? Всё прекрасно, преград к женитьбе нет – живи и радуйся. Насколько долгой, однако, была бы их радость? Взрослые проблемы, быт, возмущавший, несколько погрузневший Ромео, многодетная, тоже уже не в том теле Джульетта, сторонние соблазны. Обаяние испаряется, рыхлый осадок остается. Призадуматься тут.

Я вовсе не хочу сказать, что настоящая любовь обречена на трагичность. Так и впрямь часто бывает, но это, безусловно, не предопределенность. Я хочу лишь сказать, что, во-первых, козни, тернии и преграды действительно «раздувают», усиливают зародившееся чувство; во-вторых, что томление, ожидание обладания в девяти случаях из десяти гораздо очаровательней и лучше самого обладания, особенно многократного (в этой связи мне вспоминается латинское «omne animal post coitum triste est» – «каждое животное грустно после соития»). В-третьих, любовь исподволь провоцирует трагичность. Я убежден, что любовью может быть названо такое чувство, любимым может быть назван тот человек, ради которого, не задумываясь, пойдешь на смерть. Ценность его жизни воспринимается безусловно выше своей собственной. И что бы ни говорили лирики, это крайне редко встречающееся у людей чувство. А обоюдным оно бывает еще реже.

При этом следует высказать еще одно, на мой взгляд, очень важное умозаключение. Любовь, несмотря на то что всё телесное в вас будет протестовать против этого, – сугубо духовное чувство, и ничего физиологического в нем нет и быть не может.

Да, вот так и именно так – ни грана физиологического, точно так же, как нет ни грана физиологического во всех иных человеческих духовных чувствах. Причем как в позитивных, так и в негативных: в чести, достоинстве, долге, гордости, храбрости, справедливости, товариществе, щедрости, азарте, но также и в презрении, мести, гневе, ярости, ненависти, зависти, скупости, ревности, обиде. Дети, как известно, зачинаются и рождаются от секса, а не от любви (если бы дети рождались и браки заключались только по любви, то человечество не пережило бы и несколько поколений). Когда чадо появляется на свет, то возникает (или не возникает) еще одно духовное чувство – родительская к нему любовь. Я не говорю, что духовного чувства любви между мужчиной и женщиной быть не может (как я уже замечал, это крайне редкое – в особенности в обоюдном варианте – но таки встречающееся явление), я лишь утверждаю, что не бывает и быть не может половой, плотской любви. Сексуальное же чувство (к представителю другого пола или того же самого) физиологично и предстает в двух иерархически выстраиваемых уровнях: похоти, когда неважно с кем и в которой нет ни малейшего духовного начала, и влюбленности, когда возникает сексуальная страсть именно и только к определенному адресату, уже несущая в себе зачатки духовности. Впоследствии (опять же редко, но всё же бывает) влюбленность может перерасти в любовь, а может и не перерасти.

Люди в своем большинстве в состоянии отличать похоть от влюбленности. Когда неудержимо тянет к кому-то, чтобы с ним соединиться в объятиях и ласках, при этом испытывая неопишуемый восторг даже не от обладания, а от предвкушения – это самая настоящая влюбленность. Тут есть

общие духовные основания (не случайно «любовь» и «влюбленность» – слова однокоренные), а значит, есть место другому духовному чувству – ревности (чего при похоти нет и быть не может, а есть лишь безадресная злоба либо адресная злость в адрес того или тех, кто в данный момент мешает ей удовлетворению). Когда посвящают стихи, поют под балконом серенады, когда бравируют этим или как-то ещё публично афишируют свое чувство – это влюбленность, это преддверие любви. А вот если настанет тот (нечасто встречающийся) случай, и ты войдешь в эту дверь, то тебе незачем будет афишировать свое чувство и сообщать о нем первому встречному и всему миру – оно будет в твоём сердце, и ты делиться с ним ни с кем не захочешь, разве что с Богом, и то в плане благодарности. Любовь, равно как и религиозная вера, – тихое чувство. Оно, в отличие от влюблённости, не требует вербальной артикуляции для своего подтверждения, оно зиждется на интуитивном уровне. Индивиды, прилюдно декламирующие о своей любви к другому индивиду ли, к Родине ли, к Богу ли, возможно и не осознавая того, столь же прилюдно разоблачаются и сообщают всем именно о неполной состоятельности своего чувства.

Хотя встречаются (причем в немалом количестве) и такие оригинальные натуры, которые умудряются смешивать, не понимая (или делая вид, что не понимают) разницы не только между влюбленностью и похотью, но даже между похотью и любовью как чувством истинно духовным. Обыкновенно это крайне испорченные натуры. Они существуют, руководствуясь лукавым до аморализма жизненным кредо «Не согрешил – не покаешься, не покаешься – не спасешься». Как правило, эти индивиды

весьма активные и в делах скверных довольно умелые, так что, даже выйдя в тираж, без труда находят себе ретивых сподвижников среди подрастающего поколения. Они рассеивают среди молодежи идеологические «бациллы» торжества похоти, щедро приправляя и сдабривая их еще одним человеческим пороком – алчностью. Оказывается, любовью можно «заниматься», возлюбленных можно «менять, как перчатки»: мол, что же поделаешь – вот тогда полюбил (полюбила), а теперь вот разлюбил (разлюбила). Тут главное – упор на искренности: если полюбил – так полюбил, а если разлюбил – так, извините, разлюбил.

Я вовсе не хочу сказать, что человек, действительно полюбивший, не может впоследствии разлюбить объект своей любви. Я лишь утверждаю, что, во-первых, такие события между мужчиной и женщиной встречаются еще реже, чем случаи настоящей любви. Во-вторых, бывшая (действительная) любовь как исключительно духовное чувство если и может замещаться, то лишь каким-либо другим духовным чувством. Физиология здесь ни при чем. Как я уже говорил, любовь не может быть ни плотским чувством, ни тем более плотским делом. Заместиться, кстати, бывшая любовь с гораздо большей вероятностью может не новой ее ипостасью, а как раз негативным духовным чувством – сначала обидой, а потом, возможно, презрением и ненавистью. Так что прав был Ф.М. Достоевский, заявляя, что от любви до ненависти – один шаг.

В этой связи замечу, что секс любви не только не помощник, но скорее противник. Попробуйте подмешать секс в любовь братскую, родительскую, в любовь к Родине, к Богу – это сразу вычурным и карикатурным образом не только опорочивает ее, но и низвергает в самые низменные отсеки

похоти, в анклав сексуальных перверсий. Конечно, в случае естественного задействия секса при духовном чувстве любви между мужчиной и женщиной ничего похожего не происходит, но и в самых-пресамых обоюдно экстазных формах секса любви ничего прибавить, т. е. хоть как-то усилить ее, не может, а вот нечто отнять (сразу ли или впоследствии) может запросто. Как привыкание и неудачный секс могут негативно воздействовать на продолжение страсти – взрослому читателю рассказывать нет нужды. Но как привыкание и неудачный секс могут что-то отнимать от любви – сугобо духовного чувства? Оказывается, могут – тем, что провоцируют привлечение в сферу индивидуального духа беспокойства, тревоги, а затем, вероятно, и обиды. А там, глядишь, потянулись и презрение с ненавистью. Конечно, неудовлетворительный секс – совсем не то же самое, что измена, но тем не менее тоже будет подтачивать духовные основы любви. Чтобы секс для любви не стал «минным полем», не надо эти сферы смешивать, по крайней мере, в своем сознании.

Как быть любви с «минным полем» секса – проблема для тех очень немногих пар, что в ней пребывают. Им в подмогу разве что картезианский рецепт независимого сосуществования материальной и духовной субстанций по принципу психофизического параллелизма. Тут ничего сложного нет, мы вполне привычно разделяем не только в своем сознании, но и в своем экзистенциальном бытии сферы нашей гордости, чести, достоинства, храбрости, справедливости, благоговения и т. п. со сферой удовлетворения наших плотских и физиологических потребностей. Никому же в голову не придет утверждать, что он более справедлив в состоянии сытости, нежели когда

он голоден, или что он более горд за свою страну, когда он справил свою малую нужду, или что он более храбр либо честен на тощак. Точно так же, когда мы гневаемся, презираем, ненавидим кого-то или мстим кому-то, то это наше чувство ни в какой мере не зависит от того, чем мы сегодня позавтракали, что на нас надето, занимались ли ночью сексом или удобно ли справили в уборной свою физиологическую нужду. Эти сферы сосуществуют параллельно. Если кто-то вдруг заявит, что, положим, его чувство мести к кому-то от чего-то такого зависит, то он – «ряженный» мститель из дешевого театра.

Итак, некоторым избранным, как в известном мифе, выпадает счастье среди толпы людской не пройти мимо своей чайной второй «половинки». Это триумф Афродиты, таким людям много слов не надо, их совместная жизнь становится признанием в любви. Но и в этом триумфе, и в этом празднике влюбленных душ кроется мука. Это муки ревности, это ни с чем не сравнимый мучительный страх просто его потерять, это изматывающие, всепронизывающие, постоянные переживания за его жизнь и здоровье. У чрезвычайно талантливой, с трагичной судьбой поэтессы Анны Снежиной есть такие строки, звучащие как заклинание:

«С любимыми не расставайтесь.
С любимыми не расставайтесь.
С любимыми не расставайтесь.
Всей кровью прорастайте в них.
И каждый раз на век прощайтесь,
И каждый раз на век прощайтесь,
И каждый раз на век прощайтесь,
Когда уходите на миг».

Именно так. Но повторюсь: такое случается крайне редко. Несравненно чаще

это унылое сожительство (со штампом в паспорте или без оно), психологическая «притирка» и «утряска», периодические стычки с переменным успехом, привыкание («стерпится-любится»), порой не без страсти в начале, но с вполне предсказуемым финалом – разводом. Это вполне нормально и статистически, и социологически: так жили, так живем и так жить будем. Во всяком случае, в рамках демократических прав человека. В рамках тех же демократических прав будем продолжать тешить себя мыслью, что, мол, если у вас растут рога, то, значит, у вас в организме избыток кальция.

Но что удивительно: гораздо хуже, когда любовь есть, но она не обоюдная, неразделенная. Вот тогда-то она и превращается из счастливой и свет несущей в разлучницу и горе-злодейку:

«Постучалась в дом боль неожиданная –
Вот она любовь окаянная.
Коротаем мы ночи длинные
Нелюбимые с нелюбимыми».

И здесь тоже мука, но уже другая: душу рвущая, сердце гложащая, витальные силы иссушающая. Это беда, это жизнь «под откос». Как проникновенно поется в уже другой красивой песне:

«...Отпусти свой крик к полюсам Земли.
Лети.
От Москвы до Нью-Йорка сквозь
открытые окна
Без адреса летит над миром – смотри –
Это крик одиночества любви».

Какая уж тут радость, тут – трагедия. Это куда страшнее развода. В связи с этой «горько-соленой», угнетенной, усеченной вариацией любви мне вспоминается пронзительный рассказ А.И. Куприна «Гранатовый браслет». Без щемящей тоски невоз-

можно читать страницы о сильной любви, о тихой смерти и скромной просьбе к возлюбленной (которой это коснулось, но которая, не обратив внимания, прошла мимо) послушать, как реквием, 2-ю сонату Бетховена. И она послушала, но когда читаешь, такое ощущение, что слушаешь ты.

Есть еще кое-что из «закромов душевных», не привлечь которое не могу, не имею права. Вспомним последние строки романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»: «Что же касается таинственного исчезновения Квазимодо, то вот всё, что нам удалось разузнать. Спустя полтора или два года после событий, завершивших эту историю, когда в склеп Монфокона пришли за трупом повешенного два дня назад Оливье ле Дэна, которому Карл XVIII даровал милость быть погребенным в Сен-Лоране, в более достойном обществе, то среди отвратительных человеческих остовов нашли два скелета, из которых один, казалось, сжимал другой в своих объятиях. Один скелет был женский, сохранивший на себе еще кое-какие обрывки некогда белой одежды и ожерелье вокруг шеи из зерен лавра с небольшой шелковой ладанкой, украшенной зелеными бусинками, открытой и пустой. Эти предметы представляли, по-видимому, такую незначительную ценность, что даже палач не польстился на них. Другой скелет, крепко обнимавший первый, был скелет мужчины. Заметили, что спиной хребет его был искривлен, голова глубоко сидела между лопаток и одна нога была короче другой. Но его шейные позвонки оказались целыми, из чего явствовало, что он не был повешен. Следовательно, человек этот пришел сюда сам и здесь умер. Когда его захотели отделить от того скелета, который он обнимал, он рассыпался прахом» [1, с. 467].

Именно это и называется любовью. Вот вам и монстр, вот вам и уродец. Любил тихо, тайно, самоотверженно, самозабвенно, как верный пес, а когда любимой не стало, просто не смог жить и умер тихо, тайно, самоотверженно, самозабвенно, как верный пес. Грустно. Почти так же грустно, как осознавать, что мы видим свет давно умерших, потухших звезд.

Есть расхожее «клише»: любовь всегда права. Понимается так, что любовь верховна, что она своей стихией заоблачна, и с этой заоблачной выси способна всё укрыть и всё покрыть. Звучит красиво, но это неправда, причем неправда опасная. И то и другое неверно. Неверно, что любовь верховна, что выше ее из чувств человеческих и нет ничего. Испокон веку выше ее ставили и выше ее ценили долг, честь и совесть. Кстати, пресловутый конфликт отцов и детей зиждется на разном представлении о чести и достоинстве. Не на частно-условных (пусть даже и сословных) идеологических, эстетических, эмоционально-психологических, а тем более бытовых пристрастиях и приоритетах, замечу: всё это вздор! – а именно на отчетливом и крайне болезненном несовпадении понимания того, *что* есть стыд и совесть, *что* есть честь и бесчестие.

Неверно и то, что любовь своими крылами всё покроеет. Как она не покрывала коварство, подлость и бесчестие, так и не покрывает. Подумать только, сколько за долгую историю человечества жутких преступлений, гнусного предательства, страшного оговора, горького позора, всякой низости и мерзости совершено, сколько крови и слез пролито, и всё под знаменем и во имя любви! Похоже на то, что дорога в ад вымощена не только благими, но и любовными намерениями. Да и делами тоже.

Напоследок к сонму непопулярных мыслей хочу присовокупить еще одну. Она о наших любимых – не перед 8 Марта будет сказано. Это опять «Братья Карамазовы»; Дмитрий, как старший брат, хоть и из острога, а поучает Алексея. Подросшее поколение уже успело обкататься, обтереться, обогатиться, узнать это на своем опыте. Их года – их богатство. «Боже тебя сохрани, милого мальчика, когда-нибудь у любимой женщины за вину свою прощения просить! У любимой особенно, особенно, как бы ни был ты пред ней виноват! Потому женщина – это, брат, черт знает что такое, уж в них-то я по крайней мере знаю толк! Ну попробуй пред ней сознаться в вине, “виноват, дескать, прости, извини”»: тут-то и пойдет град попреков! Ни за что не простит прямо и просто, а унизит тебя до тряпки, вычитает, чего даже и не было, всё возьмет, ничего не забудет, своего прибавит, и тогда уж только простит. И это еще лучшая, лучшая из них! Последние поскребки выскребет и всё тебе на голову сложит – такая, я тебе скажу, живодерность в них сидит, во всех до единой, в этих ангелах-то, без которых жить-то нам невозможно! Видишь, голубчик, я откровенно и просто скажу: всякий порядочный человек должен быть под башмаком хоть у какой-нибудь женщины. Такое мое убеждение; не убеждение, а чувство. Мужчина должен быть великодушен, и мужчину это не замарают. Героя даже не замарают. Цезаря не замарают. Ну, а прощения всё-таки не проси, никогда и ни за что. Помни правило: преподал тебе его брат твой Митя, от женщин погибший» [4, с. 314].

Закончить статью вознамерился следующим недолгим и тоже, сдаётся, непопулярным заявлением. При всём уважении

к многогранному таланту Владимира Семеновича Высоцкого я всё же не променяю картезианское «Cogito ergo sum» на его ажурно-амурную поэтическую «вязь»:

«Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву.
Я дышу, а значит, я люблю,
Я люблю, а значит, я живу».

Что касается родительской любви и ей ответной, и любви к Богу, то я умолчу. Это свято.

Литература

1. Гюго В. Собор Парижской богоматери. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1988. – 492 с.

2. Достоевский Ф.М. Подросток. – М.: Советская Россия, 1979. – 480 с.

3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т. 1. – М.: Правда, 1991. – 416 с.

4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Т. 2. – М.: Правда, 1991. – 530 с.

5. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: Советская Россия, 1981. – 598 с.

6. Толстой Л.Н. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1993. – 412 с.

7. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. – Харьков: Фолио, 1998. – 684 с.

8. Франс А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1984. – 432 с.

9. Фромм Э. Душа человека. – М.: Республика, 1992. – 434 с.

10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 450 с.

THE UNHURRIED VIEW ON THE LABYRINTHS OF LOVE

S.G. Piletsky

Yaroslavl State Medical University,
Yaroslavl, Russian Federation

sergeypiletsky@yandex.ru

The article gives quite an unusual view on quite usual things. The author speculates upon different, but utmost important aspects of love. He reflects on love of self, love for another human being, love for the mankind, love for the Motherland, physical love and terrestrial love. But the author doesn't share his thoughts with the readers on parental love and love of God. The article is full of philosophical comments to literature passages, irony and curious, nontrivial, conclusions. In our opinion, the article will be of great interest to people, who are not indifferent and inclined to reflection and it can be perceived as the additional opportunity to touch eternity.

Keywords: narcissism, egocentrism, love for another human being, love for the mankind, love for the Motherland, physical love, terrestrial love.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-66-83

References

1. Hugo V. *Sobor Parizhskoi bogomateri* [Notre Dame Cathedral]. Khabarovsk, Khabarovsk book Publ., 1988. 492 p. (In Russian).

2. Dostoevskii F.M. *Podrostok* [Teenager]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 480 p.

3. Dostoevskii F.M. *Brat'ya Karamazovy*. Т. 1 [The Karamazov's Brothers. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 416 p.

4. Dostoevskii F.M. *Brat'ya Karamazovy*. Т. 2 [The Karamazov's Brothers. Vol. 2]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 530 p.

5. Dostoevskii F.M. *Idiot* [Idiot]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1981. 598 p.
6. Tolstoi L.N. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993. 412 p.
7. Tolstoi L.N. *Voina i mir*. T. 4 [War and Peace. Vol. 4]. Khar'kov, Folio Publ., 1998. 684 p.
8. France A. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 3 [Collected works. In 4 vol. Vol. 3]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 432 p. (In Russian).
9. Fromm E. *Dusba cheloveka* [The soul of man]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 434 p. (In Russian).
10. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 450 p. (In Russian).